Д. ЭМКЕ и М. ПАЛЬГУНОВ

ЛАЙКИ

СЕВЕРНОГО КРАЯ

СЕВЕРНОЕ КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

А. ЭМКЕ и М. ПАЛЬГУНОВ

ЛАЙКИ СЕВЕРНОГО КРАЯ

СЕВЕРНОЕ КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

АРХАНГЕЛЬСК 1931

Происхождение лайки

Теория происхождения лаек, установленная некогда А. А. Ширинским-Шихматовым, Дмитриевой-Сулимой и некоторыми другими исследователями, за последнее время потерпела значительное, если не полное, изменение благодаря работам проф. Боголюбского, Смирнова и др.

Профессор Н. А. Смирнов классифицирует основные виды лаек на основании их происхождения[1] от крупной волкообразной ископаемой собаки Иностранцева и мелкой шакалообразной собаки. Собаки, происходящие от волкообразной собаки Иностранцева,—ездовые лайки, зверовые охотничьи лайки. К ним относятся, например, карельская лайка, отчасти зырянская некоторых районов и вогульская лайка. Собаки, происходящие от мелкой шакалообразной,—оленные пастушечьи собаки. К ним принадлежат: а) самоедские лайки,—они обычно шпицеобразны, мелки, легко приспособлены к преследованию оленей по насту; б) промысловые охотничьи лайки, более мелкие, работающие по мелкому зверю и птице.

Рассматривая специфические признаки, свойственные отдельным разновидностям лаек и отличающие их между собой, можно разбить эти признаки на две группы: 1) признаки первостепенного значения: рост, сложение, длина, характер псовины и т. д.; 2) признаки более или менее нейтральные, оказывающие косвенное влияние на существование и работу данной разновидности: окрас, косина глаз, манера держать хвост и т.д.

Проф. Боголюбский относит самоедскую лайку, на основании научного изучения их черепов, к типу торфяной собаки, найденной впервые в швейцарских

---

[1] См. статью Ливеровского, журн. „Охотник“ 1929 года, № 7.

свайных постройках. Признаки этого черепа, по проф. Боголюбскому, таковы: малый размер, в котором основная длина не превосходит 140 *мм*, черепная коробка выпукла, мускульные прикрепления выражены слабо, рыло короткое, заостренное, профиль вогнутый, длина мозгового черепа больше, чем лицевого.

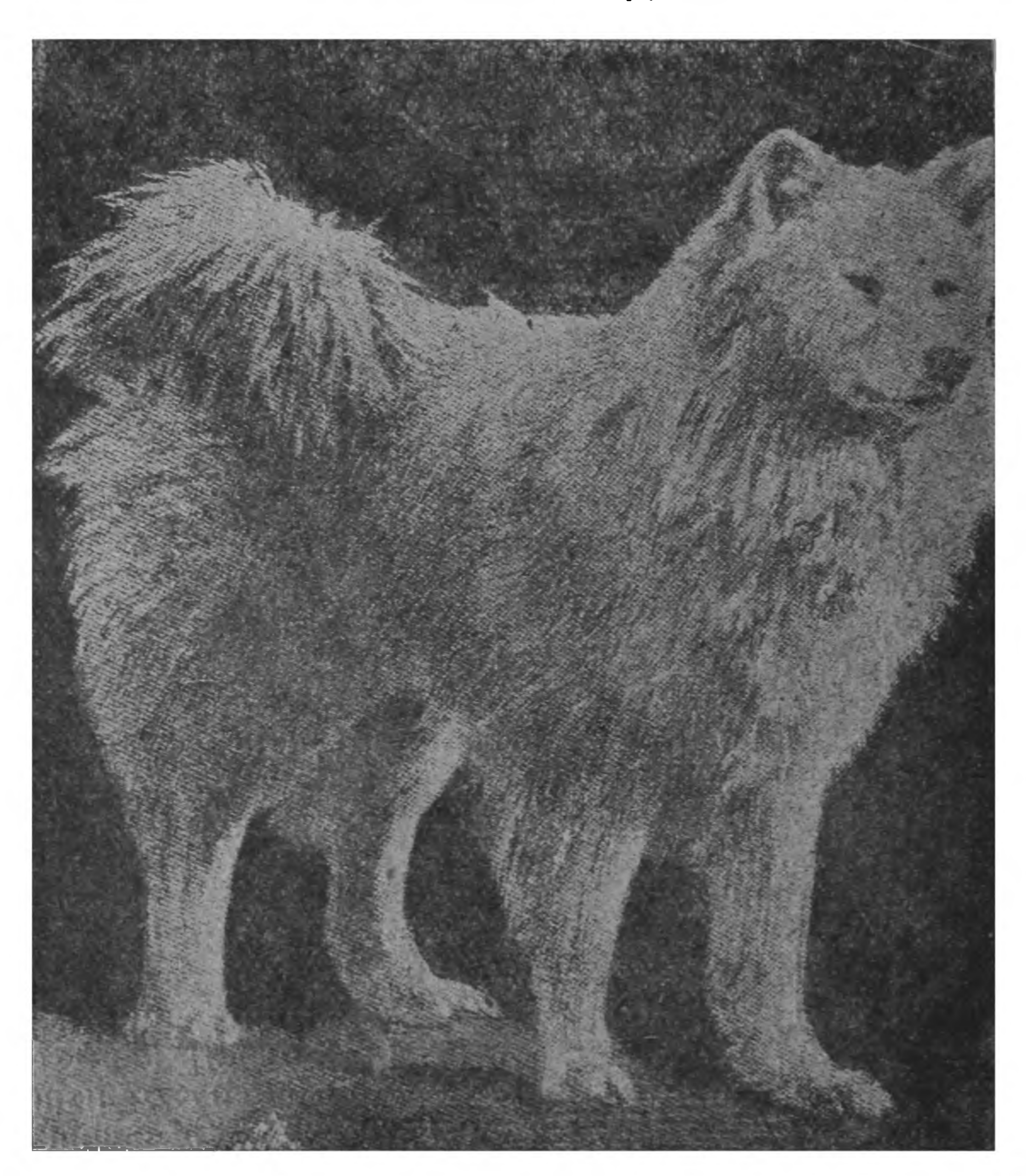
К типу собаки Иностранцева, описанной Д.Н. Анучиным и найденной в отложениях окрестностей Ладожского озера, проф. Боголюбский относит также группу северных собак — эскимосских ездовых лаек.

Признаки черепа: основная длина его больше 170 *мм*, он менее высок в мозговой части, чем у торфяниковой собаки, теменной гребень развит сильно, рыло—впереди заметно суживающееся, с широкими округленными носовыми отверстиями, лицевая часть заметно отграничена от мозговой, лоб широкий и сильно вдавлен по средней линии.

Исследование проф. Боголюбского отчасти совпадает с материалами известного немецкого кинолога Стефаница, напечатанными им в виде общей родословной о происхождении собак в 7-м издании „Schäferhund in Wort und Bild“. Стефаниц родоначальников северных собак относит к волку и в дальнейшем — через собаку Иностранцева путем всевозможных скрещиваний—к настоящему типу северных собак. В одной из своих статей о лайках (журн. „Охотник“ 1928 г. № 7) проф. Боголюбский между прочим говорит: „Настоящую статью я имею в виду посвятить вопросу о наиболее важной и наиболее распространенной группе собак—лайках. О лайках написано много статей, даже книжек, однако сведения о них все же остаются в хаотическом состоянии. Между тем сами собой напрашиваются вопросы, касающиеся их подробного изучения. Здесь перед нами стоит вопрос о географическом распространении лаек и их точной классификации, основанной на стандартах. Когда мы будем иметь перед собой подробную карту их распространения и сможем отличать помеси от чистых пород, то этим значительная часть работ будет выполнена.

Задача поставлена здесь очень не легкая и требующая многих лет работы. Ведь в лайках мы имеем очень смешанный материал, в них входят несколько принятых

в зоологии типов: торфяниковой собаки, Иностранцева, промежуточной (пепельной), а возможно и других. Поэтому мы должны рассматривать лаек как комплекс, конгрегацию типов и пород. Другими словами, по

1. Самоедская лайка

объему своих внешних и функциональных признаков она равна большинству вместе взятых остальных пород. Многое говорит за то, что масса пород Западной Европы была выведена из собак лайкообразных,

в былые времена широко распространенных. Но теперь только Скандинавия и Финляндия проходят стадию превращения лаек в ряды культурных пород. Подобная судьба, вероятно, предстоит и нам.

В этой группе заложены огромные задатки вариаций, могущих служить всегда началом образования новых рас. Выражаясь языком современной генетики, мы имеем у них весьма богатый исчерпывающий генофонд. Поэтому крайне интересно изучать не только признаки их рас, но и признаки индивидуальные".

В том же номере журнала С. А. Бутурлин в статье „Кое-что о лайках" говорит: „Трудами Келлера, Штребеля, Богданова Е. А. о происхождении собак старого света от разных видов шакалов и других, частью вымерших волкообразных собак признаны: тунгузские и самоедские лайки — от кавказского шакала через ископаемую болотную собаку датских кухонных куч и швейцарских свайных построек (т.-е. европейского неолита), ряд других лаек — от волкообразной собаки Иностранцева и т. д.".

Стандарт лаек

В то время как мы со времен I кинологического съезда так и не сумели приступить к созданию стандарта наших лаек, американцы создали стандарт самоедской пастушечьей лайки. В Америке имеется даже клуб самоедской лайки.

Привожу американский стандарт дословно.[1]

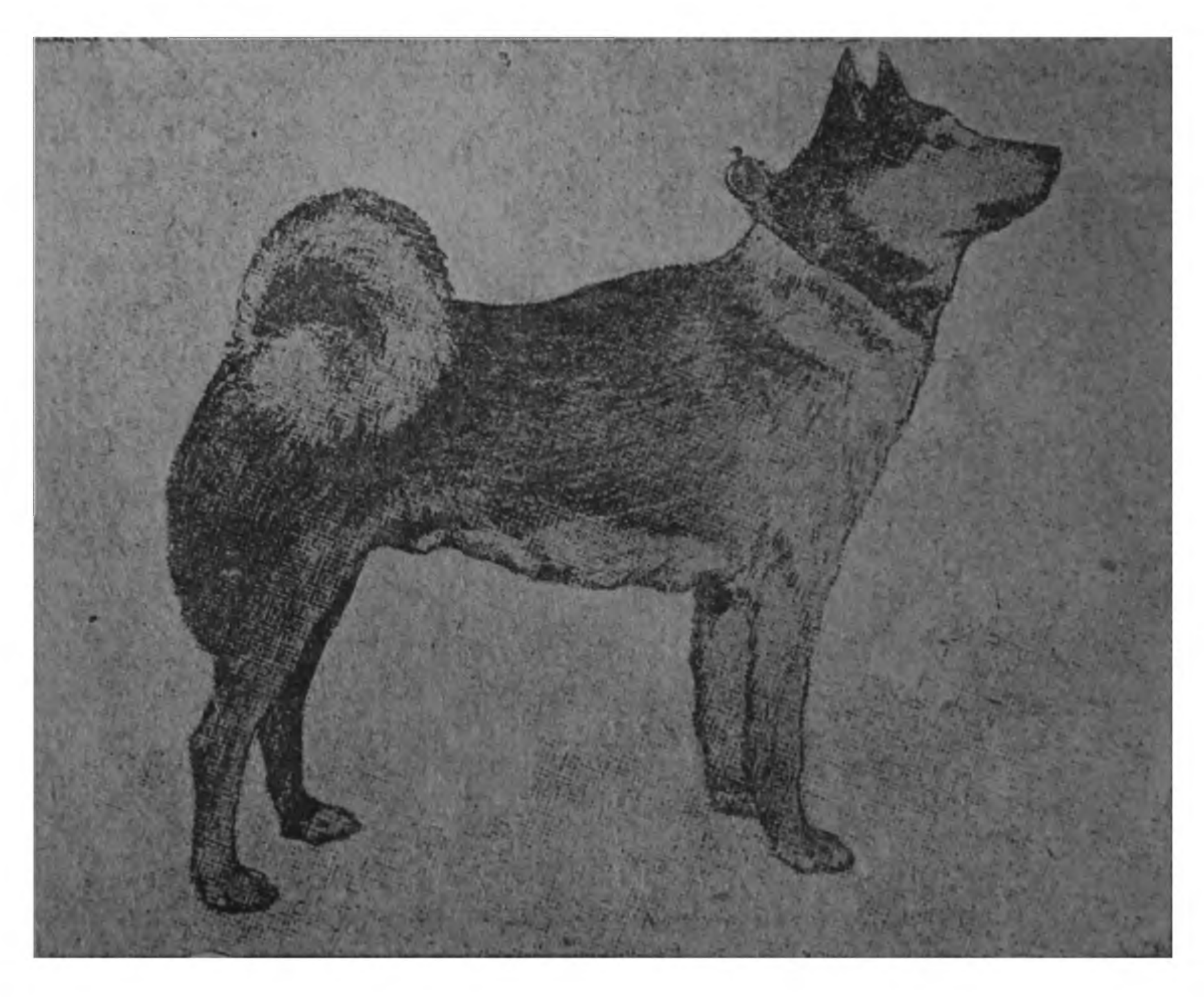
„Самоедская лайка, будучи по существу рабочей собакой, должна быть сильно живой и грациозной, и так как она должна работать в холодном климате, то она должна иметь густую, защищающую от непогоды псовину. Она не должна быть растянута в спине, так как слабая спина сделала бы ее практически бесполезной для ее настоящей работы, но в то же время излишне короткая колодка тоже была бы очень невыгодна для нее как ездовой лайки. Заводчики должны добиваться золотой середины, а именно колодки не

---

[1] См. ст. Бутурлина в журн. „Охотник" 1928 г. № 2.

длинной, но мускулистой, дающей свободу в движениях, с глубокой грудью и хорошо вогнутым ребром, с сильной шеей, прямым плечом и, в особенности, с сильной поясницей.

Вполне взрослая собака должна быть около 21 дюйма (53½ *см*) в плечах ростом. Вследствие требуемой глубины груди, ноги должны быть умеренно длинные, очень коротконогая собака бракуется; зад должен быть в особенности хорошо развитым, колени хорошо согнуты, и всякий намек на некрепкие голени или на коровий постанов скакательных суставов — бракуется.

2. Карело - зырянская лайка

Туловище должно быть хорошо покрыто плотным, густым, мягким, коротким подшерстком, сквозь который растет грубая, образующая наружный покров псовина, стоящая „дыбом“, [1] совершенно лишенная завитка

[1] С этим согласиться нельзя, так как обычно у самоедской лайки густая, длинная псовина прилегает к телу.

Голова сильная, клинообразная; с широкой, плоской черепной коробкой, морда средней длины с суживающимся, но не слишком резко, щипцом. Уши не слишком длинные, со слегка закругленными кончиками, широко расставлены и густо покрыты на внутренней поверхности шерстью. Глаза темные, широко расставленные и глубоко поставленные, с живым и умным выражением, губы черные, псовина на голове впереди от ушей короткая, гладкая. Чутье и края век предпочтительно черные, но могут быть бурые или телесные, челюсти с сильными, ровными зубами. Спина средней длины, широкая и очень мускулистая. Грудь широкая и глубокая, ребра сильно бочковатые, дающие полный простор сердцу и легким. Зад очень мускулистый, колени хорошо спущены, коровий постанов скакательных суставов или прямые колени — большой порок. Ноги прямые, мускулистые, богатые костью, лапы длинные, плосковатые и слегка распущенные, подошва хорошо опушена. Хвост длинный, пушистый, загнутый на спину или в бок, когда собака насторожилась, а иногда опущенный — при отдыхе. Крепко или вдвойне закрученный хвост — порок.

Рост: кобель 50,9—55,9 *см* ; сука 45,8—50,9 *см*. Окрас чисто-белый, сливочный, черный или черно-пегий бракуется.

Балльная расценка

Общий вид	20	Зад	10
Голова	15	Спина	10
Псовина	10	Лапа	5
Величина	10	Ноги	5
Грудь, ребра	10	Хвост	5
		Сумма	100 баллов

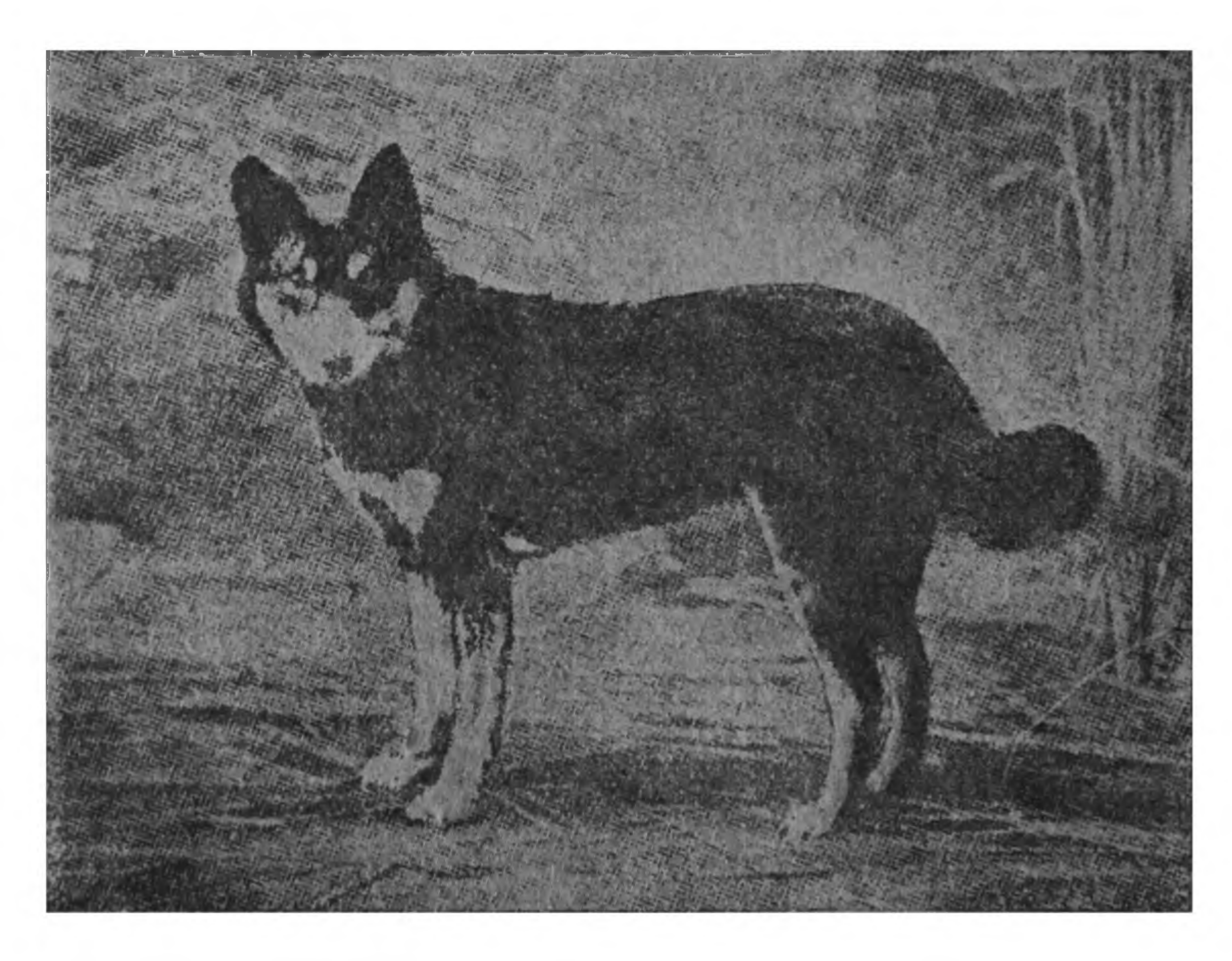
По характеру — умная, живая, деятельная и, в особенности, показывает приязнь к человеку“.

В Северном крае лайки, в зависимости от географического положения, распадаются на три заметно отличающиеся друг от друга вида:

1. Карело-зырянская лайка. Ее зона — в границах Карельской республики и на север вплоть до границ примерно Каргопольского района.

2. Примерно отсюда начинает преобладать другая разновидность, господствующая вообще в Северном крае, — зырянская лайка. Родина ее протянулась до самого Урала, где она частью перемешалась с вогульской и частью—с самоедской лайкой.

3. Самоедская пастушечья лайка, сохранившаяся и до сего времени в достаточной чистоте по всей Большеземельской тундре до границ Ледовитого океана. Самоедская пастушечья лайка имеет обособленные от других пород лаек признаки, но карельская и зырянская лайки настолько взаимно перемешались между собой, что различаются с трудом.

3. Зырянская лайка (сука)

Нужен ли нам сейчас стандарт на каждую отдельную разновидность лаек? Я думаю, что этого нам не нужно, и пользы от этого не будет. Объехав значительные районы Северного края, побывав в области Коми в Устькуломском и в Троицко-Печорском районах, я перевидал сотни зырянских лаек, перемерил десятки

лучших собак и должен сказать, что этот вид лайки имеет мало отличий от лучших лаек Карелии. Значительна разница между этими двумя разновидностями в головах: у зырянской лайки голова суше, черепная коробка и расстояние между ушами уже, само ухо выше и острее, чем у карельской лайки. Зырянская лайка „подрывиста“,[1] борзовата, а карельская с меньшим подрывом, с более тяжеловатой колодкой и на более низких ногах. В остальном они настолько сходятся, что почти не имеют отличий. Основной окрас зырянских лаек серый, разнообразных оттенков, затем черный, лисоподобный и пегий. По моим наблюдениям, черные лайки вообще хуже серых и страдают серьезным недостатком — светлоглазостью, чего у лаек серого окраса я не наблюдал; пегие окрасы встречаются сравнительно часто и больше — черно-пегие и серо-пегие, полово-пегих я почти не видал.

К сожалению, полевые качества зырянской лайки значительно снизились, если только не упали совсем. Это видно хотя бы из того, что найти хорошую духовую лайку-мелочницу, чующую самого зверя, трудно, еще более трудно найти зырянскую лайку-медвежатницу. С лайкой промышленник Коми бьет только белку и изредка куницу, а весь остальной зверь добывается им самоловами.

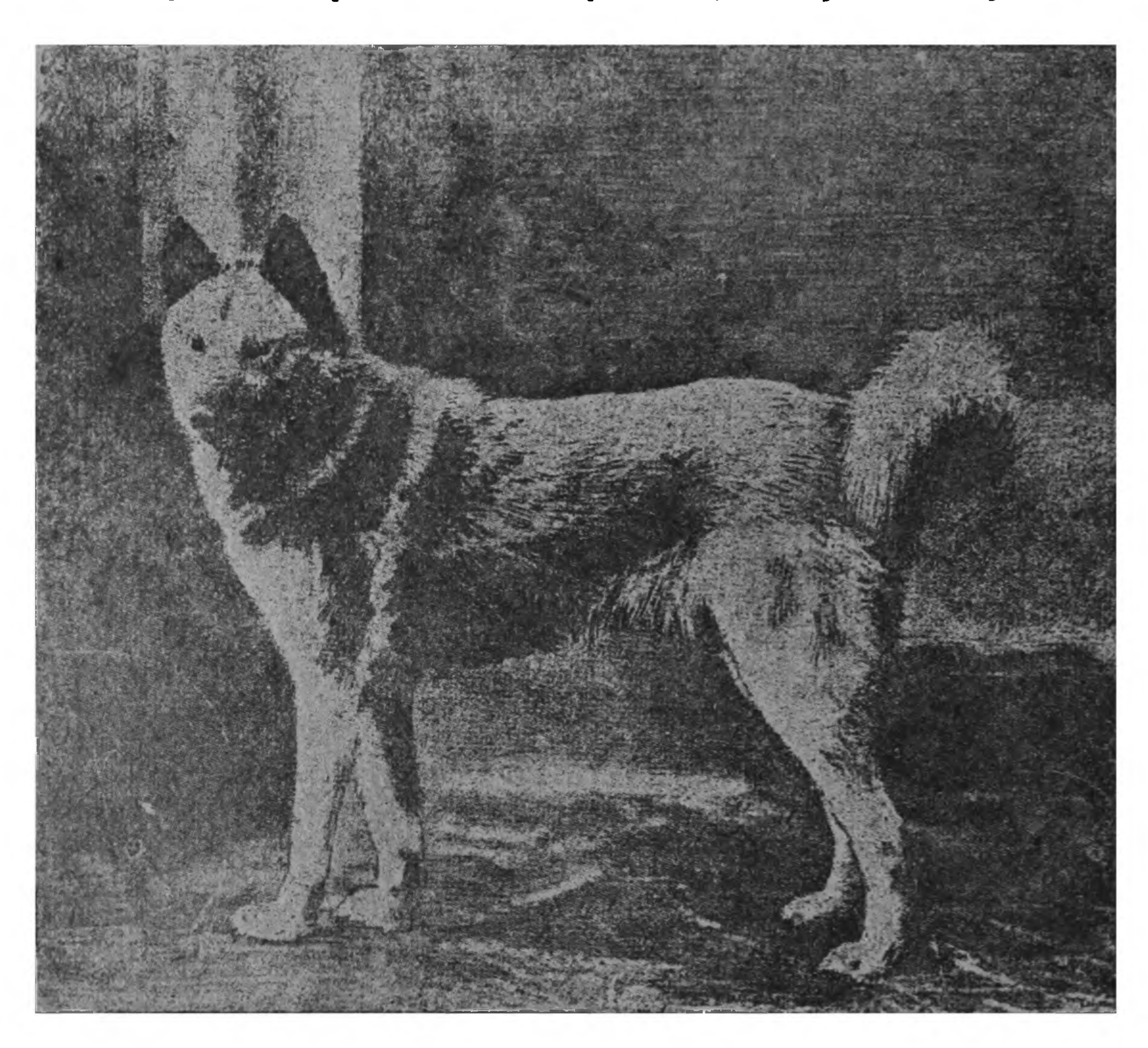
Вблизи населенных пунктов по водоразделам рек Вычегды и ее притокам лайка значительно засорена посторонними примесями собак. Например, в Устькуломе я видал ублюдков гончих и маленьких комнатных собачек, но в глуши лесов Коми сохранились чудесные по видовым признакам экземпляры лаек.

Зырянская охотничья лайка — наиболее сохранившаяся из всех разновидностей Северного края. Она и до сего времени наиболее устойчива в передаче своих расовых признаков. Я видал целые семьи лаек в глухих поселках области, ведущихся в тесном родстве без посторонней примеси. В этих поколениях утратились лишь некоторые экстерьерные особенности, ослаб, измельчал костяк, но породный вид сохранился.

---

[1] „Подрывиста“ — это значит, что передние ребра низко спущены, тогда как задние значительно короче.

Для Северного края наиболее затушевана карельская лайка. Эта разновидность еще не так давно водилась по всей северной и средней частям Архангельской губернии, но в связи с быстрым заселением района, проведением железнодорожной линии, с появлением массы разнообразных дворняг (из средних районов

4. Зырянская лайка (кобель)

Союза) карельская лайка выродилась в лайкообразную форму дворняжки и частью поглотилась более устойчивой кровью зырянской лайки. В Карелии этот вид лайки отчасти еще сохранился в достаточной чистоте. Ширинский-Шихматов в своих трудах о лайке указал на примесь финской крови в карельской лайке и назвал ее „финно-карельской лайкой“.[1]

[1] В статье „Финская лайка“, журнал „Охотник“ 1929 г. № 5.

Есть указание, что в крови финских лаек имеется кровь карельской лайки. Когда-то на обширной территории Карелии вероятно существовала одна порода лаек, но под влиянием времени порода эта постепенно расщеплялась до образования двух отдельных, близко родственных между собой видов. В настоящее время Финляндия имеет свой стандарт финской лайки и считает ее чистым видом. В названной статье указывается, что в конце прошлого столетия эта единственная финская порода охотничьих собак была взята под покровительство только что основанным финляндским „клубом породистых собак“ (Кенель-клубом).

По стандарту ее окрас красно-бурый, ровный только на щеках, под брюхом и на лапах — несколько белесоватый. Для карельской лайки этот окрас не типичен. Типичная масть карельской лайки волчья, разнообразных оттенков.

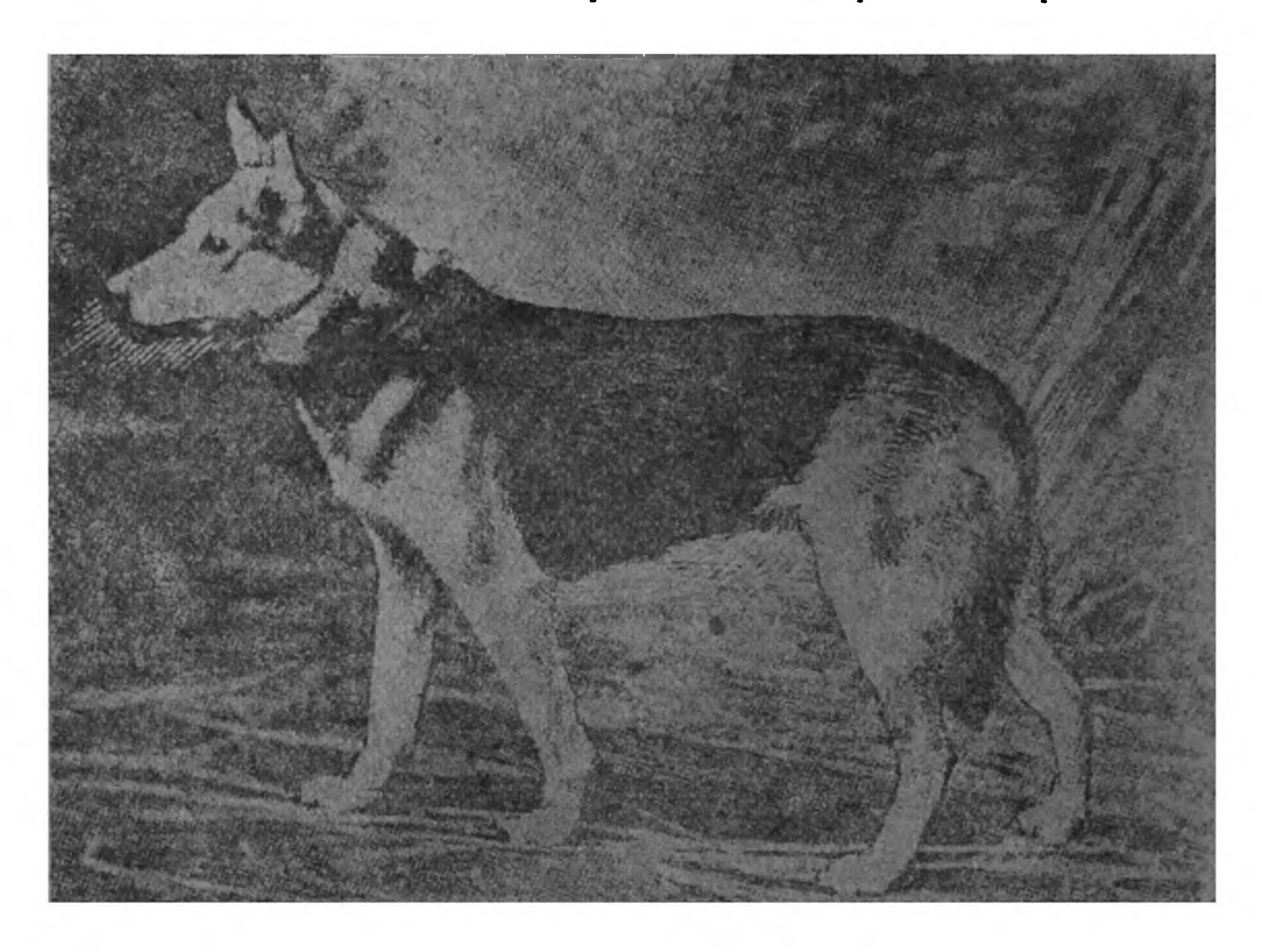
В статье Преображенского „Карельская лайка“[1] говорится, что наблюдаются три расы их: 1) северо-западной части Карелии — главным образом Паденьгского, Ругозерского, Ребельского и Озерского районов, — с довольно широким лбом, небольшим ухом и средней псовиной; 2) северного района, — побережье Белого моря, — с более узкой головой, средним ухом, большой псовиной и значительными отчесами хвоста, свидетельствующими о влиянии крови лопарской лайки; 3) Пудожского района — с более вытянутой мордой, узким лбом и крупным ухом и менее богатой псовиной.

В отношении экстерьера карельской лайки необходимо констатировать неустойчивость признаков его и огромное влияние пришлых пород собак. Прежде это влияние шло со стороны городов Карелии, а с проведением железной дороги — со стороны б. Каргопольского уезда Олонецкой губернии. В настоящее время, с проведением с юга до севера Карело-Мурманской ж. д. и усиленной колонизацией края пришлым населением, возрастает угроза быстрого вырождения карельской лайки.

---

[1] Журн. „Охотник“ 1/I 1929 г.

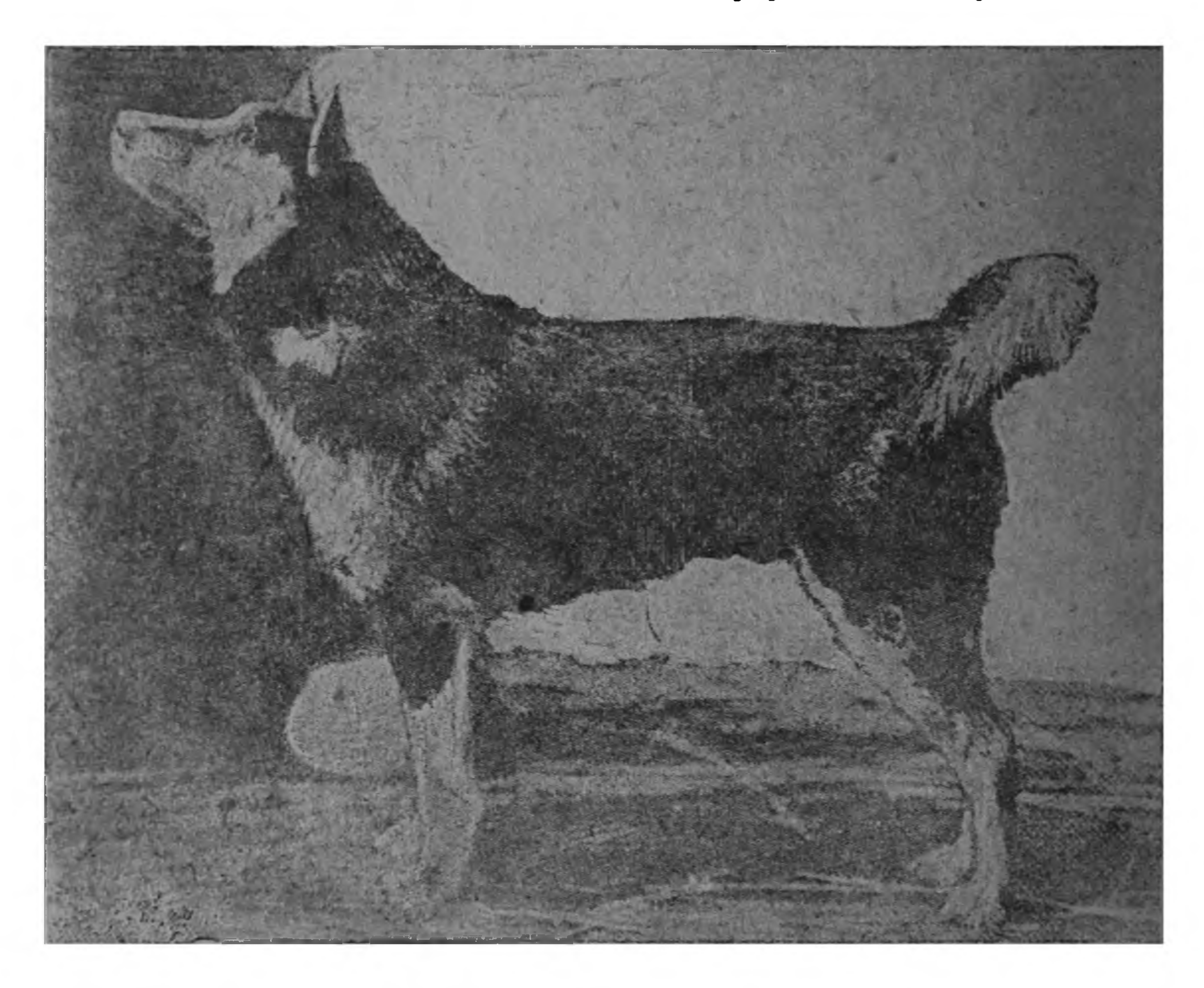
Самоедская пастушечья лайка наиболее сохранилась в породе и наименее подвержена вырождению. Объясняется это ее географическим распространением. Безграничные пространства тундры с ее кочевым населением — ненцами (самоедами), отсутствие колонизации, а следовательно незасоренность крови пришлыми

5. Зырянская лайка (сука)

породами собак, сохранили породу самоедской лайки и до сего времени. Единственно, на что можно обратить внимание,— это мельчание самоедской лайки. Охотничьи ее качества остаются под большим сомнением. Самоедская лайка приспособлена помогать хозяину и пасти оленей. С нею ненец редко промышляет зверя и птицу, а кто промышляет — заводит себе лаек охотничьего типа, т.-е. или зырянскую, или карельскую. Стандарт самоедской лайки выработать необходимо, и эта ближайшая задача должна быть возложена на II кинологический съезд. По постановлению I съезда, II съезд должен был заседать в Москве в 1930 г., но не был созван Всекохотсоюзом, и это лежит на его ответственности.

Встречается еще разновидность зыряно-вогульской лайки, но она менее заметна в Северном крае. Ее можно наблюдать по правобережью р. Печоры, начиная со средней части течения. Вогульская лайка отличается от всех других разновидностей лаек своими сравнительно длинными ушами, значительной муфтой[1] и гуще одета,

6. Зыряно-остяцкая лайка

чем зырянская лайка. Между этой разновидностью попадаются отдельные экземпляры зыряно-остяцкой лайки, но она здесь крайне редка и наиболее часто встречается на Урале и за Уралом по его восточным отрогам.

Все вышеизложенное дает смелость думать, что зырянская лайка — одна из самых устойчивых, и с этой стороны мы должны ее ценить. Наша обязанность ближайшего времени — восстановить лайку как породу. В этой области много дискутировалось, но до сих пор

[1] Муфта — это длинный очес волос, образующийся на шее зимой, когда собака одета в зимнюю псовину.

ничего не сделано. Какая же работа в первую очередь должна быть начата? Это — накопление материалов для создания II кинологическим съездом стандарта лаек. Для этого всем охотобъединениям Северного края необходимо командировать специалистов для сбора сведений, обмеров, описания окраса, спины, головы, псовины, постановки ушей и других экстерьерных признаков лаек, по возможности с приложением фотографий; принять решительные меры по запрещению кастрации лучших заводских кобелей-лаек. Обмер лаек должен производиться по одной определенно выработанной форме, — это потребует обсуждения особой комиссии, и таблицы, выработанные комиссией, должны дать единообразную форму обмеров. Если в ближайшем будущем охотничьи краевые организации не примут мер для сохранения породы лаек, — то это будет преступлением в отношении породы, по качествам не имеющей равных, и двойным преступлением — в отношении пушнозаготовок, потому что без лайки не может быть охотпромысла.

Меры возрождения лайки

В районах обитания лайки у промышленников существует варварский обычай холостить (кастрировать) лучших кобелей. Такие меры лишают иногда целый район хороших производителей. Через охоткооперацию следует повести борьбу против холощения. Далее, надо премировать охотников, сохранивших лучших по виду и работе лаек и кобелей в их естественном состоянии; не допускать вязки пустующих сук со всеми кобелями деревни, а лишь с лучшими кобелями; содержать на запоре и не допускать к вязке молодых, не сложившихся сук до 10-11 месяцев, разъясняя, что это влечет к вырождению породы, т.-е. измельчанию и потере типовых признаков; способствовать улучшению питания молодняка; раздавать охотникам, проявившим желание следовать указаниям лиц, сведущих в сохранении породистой рабочей лайки, лучших щенков — через охоткооперацию посредством контрактации.

Конечно, предложение методов по рациональному уходу и разведению лаек путем одних лишь печатных трудов и информаций вряд ли сможет привить среди

промышленников правильные взгляды на эти предметы. Охотникам нужен показательный опыт. Для проведения такого практического опыта следует начать создание небольших питомников лаек, ведущихся на рациональных началах собаководства. Эти маленькие питомники не только улучшат местный состав лаек, но — что наиболее важно — внесут знание в среду самих промышленников. Такие питомники из 3-4 сук и 2 кобелей должны быть организованы со всех сторон рационально, возможно проще и практически целесообразно. Главная задача питомника — выращивание щенков и содержание щенных сук.

Содержание питомника—вещь вообще убыточная, но внедрение среди охотников знаний по правильному разведению лаек, а также по целесообразному и умелому воспитанию молодняка явится большим плюсом в деле создания племенного материала. После этого можно — и даже должно—перейти на контрактацию лаек-щенков и передачу производителей тем артелям, у которых дело разведения породистых лаек наиболее укрепилось.

Для полной реставрации породы лаек необходимо в местах наибольшего скопления породного материала производить местные выводки и районные выставки, особенно в местах, где заложены питомники; лучших лаек премировать денежными и материальными наградами; здесь же одновременно развернуть беседы по собаководству; устраивать пробы по мелкому и крупному зверю и т. д.

Содержание лайки

Лайка по природе своей — в смысле ухода за ней и ее содержания, — одна из самых невзыскательных собачьих пород. Ее вековой жизненный уклад с постоянным ограничением питания, а часто и без всякого питания, когда лайка должна себе изыскивать пищу на стороне, — создал из нее самую малотребовательную охотничью породу собак. Но это не значит, что лайка может вечно оставаться на примитивном содержании. Длительное плохое питание вызывает вырождение породы, ее экстерьерное ухудшение, а затем — и постепенное исчезновение.

Для того, чтобы улучшить породу, создавать и укреплять стандартные образцы, одного подбора производителей недостаточно. Необходим еще целый ряд комплексов, укрепляющих породу и создающих ее лучшие формы. Это—правильное воспитание молодняка, достаточное питание, умелое содержание на свободе. Совершенно недостаточно взять щенка-лайку и предоставить его природе. Охотник, взявший щенка, обязан заботиться о его правильном воспитании.

Щенок, отнятый от матери, может некоторое время питаться молоком, но с возрастом ему необходимо давать как основную пищу свежую отсеянную овсяную муку, сдобренную небольшим количеством молока или какимнибудь мясом, которое должно быть вареным и мелко изрубленным, особенно, если это мясо конское. Когда щенку 3-4 месяца, в эту овсянку хорошо примешивать ржаных сухарей, прибавляя понемногу и мяса. Очень хорошо давать остатки от стола, но при условии, если они свежие; ни в каком случае не следует давать прокисших, старых, накопляемых сутками, так называемых помоев, дающихся обычно коровам, так как от таких помоев щенок рано или поздно заболеет катаром желудка.

Несомненно, что в возрасте 4-5 месяцев щенку следовало бы давать мясную пищу. В теплое летнее время рекомендуется вместо сырого давать вареное мясо, но с увеличением роста щенка и наступлением холодной погоды можно—сырое и даже замороженное. При этом мороженое мясо не следует разрубать, а давать одним большим куском, чтобы собака, отрывая от куска, этим его оттаивала, и не глотала рубленых замороженных кусков, во избежание воспаления кишок.

Норма дачи отсеянной овсянки в сутки 600-700 граммов, и мяса конского в овсянку—200-250 *г*, сухарей—100 *г*, сырого конского мяса 1 раз в сутки—до 1800-2000 *г*.

Само собой разумеется, что указанная норма мяса выдается в холодную зимнюю пору без указанного выше приварка.

К 8-10 месяцам хорошо выкормленный щенок формируется настолько, что может быть взят охотником на ближайший промысел.

Ни в коем случае не рекомендуется держать щенка на привязи или в тесной закутке, лишенной солнца и воздуха. Такая обстановка способствует развитию различных заболеваний, вырождению, и в конечном счете вырастет не лайка—кормилица своего хозяина, а жалкое, заморенное, рахитичное существо, не способное к длительному, тяжелому промыслу. Точно так же не следует держать даже взрослую лайку на цепи. Лайка — одна из тех пород, которые не выдерживают привязи и быстро разрушаются от этого. Если все же лайке необходимо ограничить свободу, то лучше ее посадить куда-либо в огороженное место.

Лайка быстро вырождается в условиях жизни в городах, крупных населенных местах и т. д., т.-е. там, где она не имеет общения с природой. Оторванность от ее родной стихии—леса действует на нее наиболее пагубно, лишая собаку присущих ей ценнейших охотничьих инстинктов.

Приметы хорошей промысловой лайки

В журнале „Уральский охотник“ 1928 г., № 6, есть заметка о приметах хорошей промысловой лайки по наблюдениям лучших промышленников Тобольского округа.

Цитируем автора дословно: „Промысловая лайка в настоящее время стоит в центре внимания охотничьих масс и организаций, их объединяющих. Поэтому на ряду с научным изучением лайки не лишне ознакомить интересующихся с народным ее изучением, сложившимся в процессе длительного практического опыта в „особые приметы“.

Наш опыт, надо сказать, поддерживает их правильность, и мы полагаем, что под эти приметы не трудно, вероятно, подвести научные обоснования. Ниже приводим указанные приметы.

Общие приметы хорошей лайки

1. Окрас лайки не имеет значения, но все же белые лайки редко бывают хорошими промысловыми собаками.

2. Рост и красивое сложение очень желательны, но хорошими признаками не служат.

3. Глубокий и длинный разрез носа. Его размеры определяют чутье. Без этого разреза лайка—„шубница“.[1]

4. Высокий, острый выступ черепной коробки на затылке (надо понимать — соколок. — *А. Э.*) — признак хорошего слуха.

5. Широкая „сирка“ (заднепроходное отверстие) — хороший признак.

6. Наверняка определяют хорошую собаку разрывы последних сводных дуг на небе рта: чем их больше — тем лучше, собака с разрывами наверняка пойдет по какому-нибудь зверю.

Приметы беличьей лайки. Хорошая лайка по белке непременно обладает приметами 3 и 4, и чем они резче выделены, тем лучше собака. У беличьей лайки голова несколько удлинена, нос тоньше и аккуратнее, с красивым угловым срезом вниз.

Лайка по медведю. Она имеет: а) разрывы и все признаки беличьей собаки, только они выражаются обычно слабей; б) крепкие зубы с коричневым оскалом клыков внизу;[2] в) по преимуществу медвежью голову (т.-е. короткий щипец и широколобость); г) медвежий взгляд не обязателен, но желателен; д) крупный хвост кольцом и на правую сторону (не всегда, но в большинстве).

Примечание. Суки носят хвост направо и налево, но это не дает им преимущества.

Лайка по лисе. Она обладает всеми признаками беличьей собаки, кроме того, у нее хороший рост, высокие и крепкие ноги без прибылых костей и развитая грудь.

Лайка по мелкому зверю. Она имеет приметы беличьей собаки, по горностаю чутье может быть и не сильным, но головной выступ (соколок) обязателен.

Лайка по глухарю. По глухарю идет каждая лайка. Спугивание—неумение облаивать исправляется обучением. Предпочтителен не грубый лай.[3]

---

[1] Это значит — собака не годна для охоты и употребляется на шубы или рукавицы.—*А. Э.*

[2] Это выражение нам не понятно. — *А. Э.*

[3] Надо понимать, лай не напористый, он дается практикой.—*А. Э.*

Лайка по лосю. Разрывы густые, сирка при хорошем росте, крепких ногах и хорошей груди. Особенно ценится слух. В общем особых примет нет, — достоинство определяется опытом. Приемы облаивания лошадей оттеняют нужные качества".

Вот и все несложные приметы северного промышленника о лайке. В ценности их советуем убедиться на практике.

Охота с лайкой

Лайка и лайкообразная дворняжка, часто огульно называемая „русской лайкой",[1] — самая распространенная собака среди промыслового охотничьего населения. Весь охотничий промысел построен именно на этой лайке. Она служит охотнику для охоты на белку, горностая, норку, выдру, куницу, соболя, лося, медведя и пр. Это—звери, по которым другие породы собак не работают (за исключением единичных случаев). Кроме того, большинство лаек хорошо работает и по рысям, и многие лайки с успехом служат для охотников и на птицу—на глухаря, временами на тетерева, работают по уткам, а в иных местах употребляются и в охоте на рябчиков.

Но все это отнюдь не значит, что одна и та же лайка всегда может работать по всем указанным зверям и птицам. Наоборот, такие „универсальные" лайки встречаются крайне редко и ценятся охотниками значительно дороже, чем лошадь или корова.

В числе зырянских лаек „универсальных" работниц не более трех процентов. Особенно редки за последнее время стали, даже в области Коми, лайки-медвежатницы. Подавляющее большинство лаек Северного края (кстати говоря, на 70 процентов имеющих явно „засоренную" кровь) умеет работать только по 3-4 видам промысловых животных. При этом такие собаки имеют одного какого-нибудь „излюбленного" зверя и часто игнорируют на охоте других животных, если займутся этим последним.

---

[1] „Русская" или „олонецкая" лайка—это смесь зырянской с карельской.

Наиболее часто встречающиеся специализации лаек в Северном крае:[1] а) бельчатница, она же работающая по кунице и боровой птице; б) „норная" собака,—работающая по горностаю, хорю, норке, водяной крысе, игнорирующая или совсем не работающая по белке и кунице; в) речная—идущая по выдре, норке, водяной крысе, по утке и достаточно хорошо берущая горностая и хоря; многие из речных собак по белке, кунице и птице совсем не работают; г) глухарятница или тетерница, хорошо работающая по рыси, белке и кунице и игнорирующая норного и речного зверя; д) медвежатница — обычно она же бельчатница и реже — работающие и по птице.

Особый интерес собаки к какому-нибудь одному животному объясняется следующим: 1) Чаще всего тем, что сам охотник занимается главным образом добычей этого зверя, а следовательно и свою собаку начал „притравливать" именно на него. 2) Тяготением к одному определенному зверю в силу наследственности. 3) Допущением ошибок со стороны хозяина собаки в процессе натравливания на другие виды животных. Например: бегство хозяина в присутствии собаки от случайно встреченного медведя; натравливание маловозрастного щенка на достаточно сильного, хотя бы и раненого зверя (куница, выдра); нежелание хозяина собаки стрелять (или вообще добыть) впервые налаенное животное в неохотничий сезон (например, летом—белку). 4) Отсутствие необходимой злобности у собаки по причине засоренности крови.

Следует заметить, что из имеющихся в Северном крае трех отродий лаек (зырянская, самоедская и олонецкая—„русская") лучшей по охотничьим качествам следует считать зырянскую, а не самоедскую, как это ошибочно думают охотники южной части Северного края.

Охота с лайкой основана на использовании природных особенностей этой породы для того, чтобы найти зверя или птицу, и при непосредственном участии собаки добыть их тем или иным способом.

---

[1] На первом месте всюду указано „излюбленное" животное.

Роль лайки заключается именно в том, чтобы найти зверя или птицу. При этом собака (в большинстве случаев) не должна лаять на следу, а добраться до объекта охоты по следу или другим признакам молча вплотную, точно установить местонахождение объекта (дерево, дупло, нора и т. п.) и только потом залаять. Это прежде всего служит сигналом для охотника, призывом к „месту происшествия“, а в дальнейшем и указанием, куда пошел, перескочил, „стронулся“ (если в норе) зверь. Лайка „ведет“ или „держит“ зверя (в смысле—не потерять, не упустить), тоже взлаивая или иногда заливаясь интенсивным лаем. Но иногда она ограничивается только старанием обратить на свой лай внимание зверя или птицы, „занять“ его до прихода охотника. Бывает и наоборот: лайка активно напирает на зверя со всей злобностью и настойчивостью и вступает с ним в своеобразную борьбу, в которой соревнуются дикая сила крупного зверя с ловкостью и увертливостью по-охотничьи злобной собаки. Лайка должна уметь применяться в своих действиях к особенностям охоты, к своей роли при добывании того или иного вида зверя или птицы.

Во время охоты, в процессе добывания того или иного зверя или птицы, у лайки бывает специальная, особая сноровка, особая манера работы. Сущность ее, а отсюда и поведение добываемого зверя—различны.

Охота на белку

Работая по белке, собака разыскивает ее в лесу, описывая круги. Широкий поиск весьма желателен, так как при обширности наших лесных массивов, которые в год среднего урожая белки сравнительно редко заселены этим зверьком, гораздо выгоднее, если собака охватывает своим поиском широкие пространства, благодаря чему охотнику самому излишне кружить по лесу. Многие собаки в поисках белки скрываются из глаз охотника на долгие часы и обегают пространства площадью по нескольку квадратных километров, прежде чем найдут белку.

Лайки-бельчатницы встречаются чаще всего. Работа их бывает разная. Прежде всего различается собака „верхочутая“ и собака „следовая“. Для первой вовсе не обязательно, чтобы белка предварительно ходила по земле, чтобы она оставила след „на полу“. Лайка чует ее „верхом“ („духом“) и чует обычно самое белку, а не только ее след на дереве. Эти собаки особенно ценятся, так как почти никогда не ошибаются. Они составляют приблизительно 10% из общего числа бельчатниц. Собаке, не обладающей „духовым“ чутьем, непременно нужно сначала найти на земле след или вообще доказательство присутствия на том или ином дереве белки (например, уроненную с дерева свежешелушенную белкой шишку). Установив это, особенно если белка при этом взбиралась по стволу того же дерева, некоторые собаки прямо начинают его облаивать и очень часто ошибаются, так как по верху не чуют и не могут установить, перепрыгнула ли белка на другое дерево или нет (может быть перепрыгнула еще задолго до облаивания собакой).

Иные собаки, обнаружив на стволе дерева след белки, начинают, еще не взлаивая, ломать зубами нижние сучья этого дерева или грызть самый ствол, чтобы заставить белку пошевелиться и тем самым быть принятой „на глазок.“ У лаек вообще исключительно хорошо развиты слух и зрение. Поэтому, раз заметив белку на дереве, хорошая бельчатница, даже не духовая собака, ее „с глаз не спустит“. Если белка начнет перепрыгивать с дерева на дерево, то собака будет с лаем сопровождать ее по низу. Часто белка застаивается на том дереве, где была впервые облаяна собакой, но не редко уходит и поверху, не замеченная собакой, если лес густой и крупный. Излишне нервные собаки, лающие по первому подозрительному шороху на дереве и никак не желающие покинуть это „пустое“ дерево, крайне неудобны и настоящим промысловым населением уничтожаются.

Не работающие верхом собаки, но хорошо „ведущие“ („держащие“) белку, ошибаются в среднем три раза из десяти. К таким собакам, особенно в густом лесу, при первом же взлаивании надо подходить скорее,

чтобы застать белку на том дереве, где она была облаяна. Этим уменьшаются шансы незаметного перепрыгивания ее на другие деревья до прихода охотника.

Бывает, что белка сидит на суку дерева на самом виду и „цокает" на собаку. Но чаще всего она затаивается на дереве, где-нибудь под прикрытием густых ветвей, и, чтобы сразу рассмотреть ее, нужен большой навык.

Охотники обычно ходят „белковать" по-двое. Один отходит от облаенного дерева в сторону, чтобы лучше видеть между сучьев, а другой стучит по стволу топором, слегой или „койбетью". Чаще бывает, что белка шевелится или только вздрагивает именно от первого или второго удара, а потом затаивается в самое густое место и даже от выстрела не перескакивает.

Вообще не желательно, чтобы собака по белке сразу очень интенсивно лаяла или бросалась на дерево. От этого белка пугается и уходит верхом. Гораздо лучше, если собака лает не очень громко, не „лезет на дерево", а стоит или сидит в некотором отдалении от него. Ни в коем случае недопустимо при охоте на белку с молодой собакой стучать топором по стволу заведомо „пустого" и предварительно облаянного дерева. Многие молодые собаки начинают при этом напрасно лаять на это дерево, а потом, в процессе настоящей охоты, перестают лаять на дерево с белкой до тех пор, пока охотник предварительно сам не стукнет по дереву. Правда, это бывает редко.

Белку, упавшую после выстрела, собака обычно схватывает (некоторые—на лету) за голову и „треплет". Никуда не годится, если собака ее „рвет" или сильно мнет зубами. Собак, пожирающих белку сразу после выстрела „в шкуре", от этого отучить очень трудно, если только такое пожирание не вызвано просто временным сильным изголоданием. Иногда эта склонность есть результат неправильного „наваживания" этой собаки еще со щенячьего возраста. Такие собаки почти всегда бывают неисправимы.

Собаки-бельчатницы в большинстве случаев работают и по кунице.

Охота на куницу

Охота на куницу по существу похожа на охоту по белке, особенно осенью, до выпадения снега.

По кунице хорошо идут главным образом те же собаки, которые работают по белке „духом".

Если куница оказывается не на дереве, а забивается под пень, или в дупло невысокой сушины, или в ломь, охотники употребляют обмет—сетку в роде „бредня" для ловли рыбы, которым охватывают кругом как самый пень, так и собаку, обычно с лаем выдирающую зубами корни этого пня. Если куница находится в дупле дерева или в дуплистой валежине, то такое дерево срубают, при чем куница часто даже при падении его не выскакивает (даже если не заткнуты отверстия дупла). Затем это дупло прорубают, предварительно обтянув его вертикально расставленным обметом, в котором запутывается принужденная выскочить куница и часто схватывается собакой. Бывает, что куница сумеет выскочить сразу непосредственно на ближайшие сучья деревьев,—тогда охотник прекращает ее прыжок немедленным выстрелом.

В начале зимы часто практикуется разыскивание куницы по следу самим охотником. Собаку, чтобы она преждевременно не утомлялась,—а главное, чтобы она не отвлекалась разыскиванием других зверей (что часто портит всю охоту),—иногда ведут на сворке, пока не будет найден след куницы, и потом только пускают.

С выпадением глубоких снегов роль лайки при охоте на куницу уменьшается. Охотник, идя по лесу на лыжах, ищет след куницы сам, а собака обычно идет сзади по его лыжнице. Мелкая или коротконогая лайка в глубоком снегу быстро выбивается из сил, а лайкообразные дворняжки, особенно имеющие пятый палец на задних ногах, даже при не крепком, не выдерживающем собаку настовом слое (корке),—повреждают эти пальцы до крови и отказываются работать еще раньше. Если пятый палец не представляет собой твердого костевого прироста к лапе, если это всего только небольшой мягкий, легко задирающийся кверху придаток с ногтем,—то такой палец для собаки менее неудобен.

После обильных снегопадов охотник выслеживает куницу не только по ее следам на снежном покрове земли, но и по лежащему на ветвях деревьев снегу, по уроненным куницею частицам его, даже по частицам сцарапанной при перескакивании и осыпавшейся древесной коры и древесного сора. Для этого надо иметь большой навык и особое уменье.

Зимой облаянная собакой куница часто сразу же забивается в дупло. В этом случае охотник затыкает все отверстия дупла (засовывает обломки сухих сучьев или нечто в роде жердей, если отверстие высоко), потом это дерево срубает, и, свалив его на землю, просунутой в дупло палкой вытесняет куницу в тесный „тупик“. При этом часто имеется возможность взять куницу за задние лапы руками и, ловко выхватив ее из дупла, ударить головой о ствол ближайшего дерева.

Когда куница находится в дупле срубленного дерева, собака своим лаем и царапаньем или даже попытками грызть указывает охотнику ее точное местонахождение. Собака и при этом находится все время на-чеку, чтобы схватить куницу, если она выскочит.

В Северном крае известен ряд случаев, когда охотник, разыскивая след куницы при глубоком снеге, носит свою собаку за плечами в плетеном из лык „кошеле“ (Устьянский район).

Охота на горностая, хоря, ласку

На горностая, хоря и ласку охота приблизительно одинакова.

Зверьки эти иногда встречаются совсем близко от деревень, чуть ли не на самых задворках, близ пожен, у покосных болот, возле речек и т. п. Все они ведут ночной образ жизни, [1] а днем забираются под корни, в хворост, в стога сена, под сараи, в поленницы дров и пр.

Лайка непременно должна „брать“ их ночной след и по нему, распутывая его, добираться до места, где притаился зверек, и тут только залаять. Некоторые лайки на следу отрывисто взлаивают, что хотя охоте

[1] Горностай в некоторых случаях „ходит“ и днем.

и не мешает, но все же не желательно, так как такая лайка будет лаять и на следу другого зверя, для добывания которого это неуместно. Найдя нору или пень, под которым скрылся зверек, лайка взлаивает иногда с визгом, с остервенением роет землю лапами, „фырчит“ в нору и старается иногда вырвать мешающие корни зубами, указывая тем самым охотнику место, где зверек затаился. Есть лайки, которые над норой не лают, а только „скулят“. Это неудобно, потому что охотник не слышит, где его собака нашла зверька. Некоторые собаки, хорошо разбирающие след этих зверьков и быстро их находящие, у норы совсем не лают (работа „молчагом“). Это очень неудобно, так как такая собака годна для охоты по этим зверькам только на открытом месте, где она все время на виду у охотника. Работа по хорю, норке, горностаю и ласке „молчагом“ объясняет порой непонятное пропадание часами в лесу некоторых хороших бельчатниц.

Лайка, „не берущая“ следа, а начинающая работать только в том случае, если наткнется на самую нору зверька,—для охоты не годится. Сам охотник, если есть снег, гораздо скорее найдет по следу ходившего ночью зверька, чем такая собака. Для этого, определив свежесть встреченного следа, надо только пройти по нему известное расстояние, потом сделать несколько кругов (по этим зверькам круг может быть очень мал) и, сосчитав входы и выходы, определить, что зверек находится где-то в этом круге, после чего дойти по следу зверька до норы, до места, куда он забился (стог сена, пень и т. д.).

Лайки, „не берущие“ следа, чаще всего попадаются в крупных городах,—в частности в Ленинграде, Москве, Архангельске, Вологде, особенно среди завозных „экстерьерных“. И всего хуже то, что в большинстве случаев их много среди пресловутых „выставочных“, извращающих у начинающего охотника, приобревшего такую собаку, всякое представление об охоте с лайкой.

Некоторые собаки над всяким „норным“ зверьком роют землю весьма энергично (признак такой собаки—когти передних лап сильно сточены). Орудуют они лапами

быстро-быстро, как заведенная машина, и выбрасывают при этом, особенно если почва не твердая, целые сугробы земли. Промышленники б. Новгородской и Череповецкой губерний высоко ценят таких собак, так как некоторые из них (особенно, если работает одновременно пара собак) сами „вырывают" и хватают зверька. С такими собаками охотятся даже ночью, когда след набегавшего зверька свежее. Охота у многих промышленников бывает весьма успешна, если только собаки, ухватив зверька с двух сторон, не раздирают его на части. В Северном крае это практикуется, хотя и очень редко, в юго-западных районах.

Для охоты на зверьков с лайкой всегда берется топор,—а иногда и лопата,—чтобы вырубать корни. Во многих районах Ленинградской области и местами в Карелии употребляется и „щуп"—простое и удобное подсобное приспособление, очень мало известное в Северном крае. Это не что иное как обыкновенный стальной прут, длиною около одного метра (хорош и шомпол от военной винтовки, заостренный с одной стороны, а с другой загнутый в виде ручки. Таким щупом охотник „колет" землю (стог, хворост), чтобы „стронуть" упрятавшегося зверька, облегчив тем самым собаке точность его „учуивания", и чтобы заставить его скорее выскочить из своего убежища. Применение щупа всегда дает положительные результаты. Некоторые охотники носят его прилаженным с правой стороны вдоль ружья, для чего делаются специальные „ушки" из проволоки (на ложе и у антабки). Пристроенный таким образом щуп стрелять не мешает.

Для охоты на горностая, хоря и ласку часто употребляется обмет (особенно на горностая).

Бывают случаи, что горностай, чаще других зверьков встречающийся в лесу, забравшийся под корни сухого дерева, при „напоре" собаки залезает по дуплу (внутри ствола) далеко вверх (а иногда вылезает и на сучья, наружу). При этом малоопытная собака, недоумевая, перестает лаять. Ударом по дереву это надо проверить и, прорубив в дупле отверстие,—бросить туда что-нибудь зажженное. От этого горностай немедленно вылезет наружу.

Наличие у всех этих зверьков (а также у норки и выдры) пахучей железы под хвостом (особенно—у хоря) и иногда сильное извержение ее содержимого (как защита) оказывают на чутье собаки как бы парализующее действие и в некоторых случаях даже делают ее неспособной в продолжение нескольких часов к работе. Собака временно перестает чуять след другого зверя, менее пахнущего. Замечено, что собаки, много работающие по указанным зверькам, под старость раньше других теряют чутье и зрение.

Охота на норку и выдру

По норке и выдре работа лайки почти одинакова.

Оба зверя водятся близ речек, лесных озер, реже—на болотах, заросших кустами. Норы их бывают чаще всего в самых береговых откосах, под корнями, под хворостом и т. п. Отверстий (отнорков) всегда бывает несколько, из них два-три выходят ниже уровня воды.

Охотясь на норку и выдру, охотник идет вдоль берега речки или озера, а разыскивающая след собака бежит впереди не отдаляясь от речки дальше 5-7 метров, а иногда даже по самой воде, если речка мелкая. Первое условие для норковых собак—это не бояться лезть в воду. Между тем такая боязнь наблюдается, особенно у лаек, воспитанных в городах. Чем больше собака движется по самой речке, чем чаще она ее переплывает с одного берега на другой, исследуя всякую подозрительную береговую кочку или корень дерева, свисающий с крутого берега, чем больше интересуется навесами почвы над руслом речки („козырьки“),—тем больше шансов, что она не пропустит след зверя.

Именно такое поведение у реки и является типичным для выдровой и норковой собаки.

Норка и особенно выдра могут проплывать по ночам по речкам или озерам в поисках корма (главным образом, рыбы) большие расстояния. На берег они вылезают иногда только на минуту, где следы их остаются возле самой воды на расстоянии

какого-нибудь метра. Иной раз зверек только наполовину высовывается из воды, и на берегу остается след только от передних лапок. Поэтому собаке, отвлекающейся от воды на недосягаемое для ее чутья расстояние, пропустить такой след очень легко. Хорошие „речные“ собаки, раз учуя такой, даже незначительный, след, идут (или плывут) по самой реке, пока не доберутся до того места, где затаился зверь, и там его облаивают.

Две хорошо сработавшиеся собаки могут вырыть и задавить норку без участия охотника.

Облаянная в норе норка редко выскакивает наружу, а уходит обыкновенно через нижний, выходящий ниже уровня воды, отнорок. Бывает, что норка под землей сидит чрезвычайно крепко, но иногда она уходит под воду сразу же после первого взлаивания собаки. Если охотник близко, то этот момент он не упустит: серебристая струя пузырьков (особенно хорошо заметная у выдры) покажет, куда поплыл под водой зверь. Если вода не глубокая, то от нырнувшей норки и тем более от выдры идет „струя“, след по воде, как от крупной рыбы. Нырнув, оба зверя могут проплыть под водой до 40 шагов и зачастую потом только на момент высовывают из воды один кончик морды (нос), чтобы набрать воздуху и, снова нырнув, забиться под крутой берег или под нанесенный течением реки хлам и хворост. Убитая норка не тонет, а выдра утонет, если до момента смертельного поражения не успела глотнуть воздуха, или если заряд попал в середину туловища (в легкие).

В некоторых местностях (особенно, где норка „пуганая“, т.-е. по которой уже несколько раз безрезультатно охотились) зверек уходит в воду сразу после первых попыток собаки рыть землю. Некоторые умные собаки так приучены, что, найдя норку, только изредка взлаивают и до прихода охотника земли не роют. Многие выдровые собаки сами ныряют не хуже выдры и способны иногда достать убитого и утонувшего зверя со значительной глубины. Выдра и норка в воду „уходят“ почти бесшумно, без всплеска, поэтому прозевать этот момент очень легко, если собака не „укажет“ этого броском к воде (часто с визгом).

Употребление при этих охотах щупа крайне полезно, так как понуждает норку или выдру скорее выскочить из норы и обычно—совсем близко от охотника. Как сказано, щуп во многих промысловых районах почти неизвестен.

При этой охоте употребляется и сетка, которую ставят в вертикальном положении на двух палках в воде вдоль берега, охватывая таким образом ту часть его, где у нор работает собака. Иногда сетку растягивают и поперек реки, при чем выдра запутывается при преследовании ее собакой.

Лучшее время для охоты на норку и выдру—поздняя осень до замерзания рек, когда поднявшаяся от дождей вода затопляет норы, и зверь принужден скрываться в менее недоступных местах. При охоте на выдру по небольшим речкам часто предварительно искусственно поднимают уровень воды—запрудой из камней, хворостом с землей или просто вертикально повернутыми кусками льда (зимой и в начале весны).

Лучше, если охота производится вдвоем и с двумя собаками. Выдра, принужденная покинуть нору (вследствие ее затопления или вспугнутая щупом), делает попытки уплыть обычно против течения, если ее нора заливается водой, и по течению, если она вспугнута собакой. При этом в первом случае она чаще показывается на поверхности, плывет, сопровождаемая лающей собакой, и не минует которого-нибудь из охотников, если они находятся в двух местах (один обычно остается у плотины—запруды).

Чтобы помочь собаке дорыться до норки, употребляется и лопата. Нельзя только сбрасывать комки земли в воду, так как от этого на поверхности воды тоже идут пузырьки и мешают заметить пузырьки от скользнувшей в реку норки. Вообще выгоднее понудить норку выскочить не в воду, а на берег (она все равно бросится к реке),—тут ее или схватит собака или застрелит охотник. Для этого надо заткнуть подводные отнорки (камнем, палкой, комком земли). При недлительном навыке нащупать их под водой под берегом бывает не трудно, а именно—просто носком сапога, спустившись для этого, если, конечно, позволяет обувь, в самую речку.

Охотники, имеющие собак, интересующихся, но не в главной мере, норкой и выдрой, при обходе речек, чтобы эти собаки не могли отвлекаться в сторону, водят их по берегу около самой воды на длинной сворке. Терпеливо обходя все извилины реки, они спускают собак только после установления свежего следа или самой норы (Лодейнопольский район и западные районы Северного края).

Охота на медведя

По медведю идут лайки особого типа: чаще всего крупные, злобные, сугубо азартные и „верткие".

Работа лаек по медведю сопряжена с достаточной для них опасностью.

Обязанность лайки—задержать медведя и дать возможность охотнику подойти на выстрел. Лайка „берет" медвежий след и добирается без лая по нему до самого медведя и тут, используя всю свою напористость, „нахальство", злобность и увертливость, начинает его облаивать и „осаживать" хватками. Лучше всего это могут сделать две или несколько собак: пока медведь отмахивается от одной из них, другая в это время старается рвануть его за зад. Медведь, оберегая эту почетную часть тела, начинает „присаживаться", замедляя свой бег, и настигается охотником. Пресловутая „карусель",—когда медведь на одном месте вертится и безрезультатно старается „сграбастать" лапами назойливых собак,—зрелище необычайно интересное.

При охоте на медведя ошейников на собак надевать нельзя: если медведю удастся хоть раз зацепить за него своими несгибающимися когтями, то собаке—смерть.

Медвежат (иногда и мелкого медведя) собаки почти всегда загоняют на дерево.

Это—так называемая охота на медведя „вдогон". Выше сказано, какими должны быть при этом собаки.

Но если необходимо только найти берлогу для последующей охоты на берложного зверя (зимой), то характер работы собаки должен быть иной. Нужно, чтобы собака не имела очень широкого поиска (меньше шансов пропустить берлогу), и не нужно, чтобы она, найдя берлогу, очень сильно лаяла, так как это может

раньше времени спугнуть медведя. Злобную собаку скоро от берлоги не отманишь, особенно если сам охотник отманивает ее вблизи от берлоги. Не годится также, если собака при этом сразу бросается на берлогу. „Напористость“ собаки в этом случае не нужна.

Для этой охоты или, вернее, для подготовления „берложной“ охоты могут быть использованы и не „зверовые“ собаки (первая категория медвежатниц), а именно из числа обыкновенных „промысловок“ (идущих по мелкому зверьку, что описано выше). Эти последние в большинстве случаев боятся медведя и, случайно встретив, его не облаивают. Часто при этом они не только не бросаются на медведя, а, наоборот, прибегают к охотнику, садятся около него, навострив уши, или жмутся к самым ногам хозяина, тревожно повизгивая. Объясняется это тем, что большинство охотников-промышленников сами боятся медведя, избегают встречи с ним из-за плохого вооружения (мелкокалиберные одноствольные дробовки) или, если и не боятся, то в добытом медведе не видят выгодной „доходной статьи“, так как мяса его в пищу не употребляют, а шкура пушнозаготовительными организациями оценивалась всего лишь в 5—10 руб. Поэтому своих собак на медведя они и не натравливали. Однако некоторые из типичных „промысловок“ вследствие своих природных задатков „интересуются“ медведем, но, не встречая от своего хозяина поддержки в этом направлении, лают на медведя не интенсивно, а как бы „между прочим“. Собаки-„промысловки“ являются достаточно удобными для разыскивания медвежьих берлог, но с ними много берлог не найдешь.

В дореволюционное время разыскивание берлог давало некоторым крестьянам-охотникам крупный заработок. Толстые карманы охотников-„господ“ беззастенчиво разбрасывали денежки, легко нажитые на шее трудящихся. Титулованные „любители“ за ценой не стояли, особенно если берлога находилась не в большой отдаленности от удобных путей сообщения. Медведей истреблялось достаточно, и при охоте на них употреблялись специальные лайки-медвежатницы, давшие особый тип „зверовых“ собак.

В наше время, когда из советского быта давно вытряхнулись обладатели подобных толстых карманов, разыскивание медвежьих берлог для охотника-крестьянина как-будто утратило всякий смысл. Долгие годы со стороны главной массы охотников-крестьян на медведя не обращалось почти никакого внимания. Рассуждали так: „Чем канителиться с медведем, стоящим 10 рублей, шкуру которого никак в карман не положишь,—уж лучше за это время 10 белок добыть: легко, удобно и нехлопотно". Почти не беспокоенный годами медведь сильно размножился и полез драть крестьянские стада, нанося огромные убытки. Крестьяне, принужденные принять экстренные меры к его истреблению, только тогда поняли, что напрасно „вывели" как ненужных собак лаек-медвежатниц. Вернее, они сами перевелись вследствие безразличного отношения к ним крестьян-охотников. Требования о помощи и о присылке специальных собак оказались во многих случаях невыполнимыми. Тогда только стали пытаться использовать по медведю обыкновенных собак-„промысловок".

В настоящее время, когда медведь стал представлять собой крупную ценность как мясной объект, когда его мясо принимают многие заготовительные организации,— лайки, работающие по медведю, начинают приобретать все большую и большую ценность. Уже есть десятки конкретных случаев, когда из боявшейся медведя умелый охотник выработал прекрасную медвежатную собаку. Это лишнее доказательство возможности создания „универсальной" лайки.

При охоте на медведя в берлоге опять-таки употребляются собаки только явно „зверового" типа и характера. Их спускают с цепи у самой берлоги, когда охотник (или несколько) вполне приготовился к встрече медведя выстрелом. Если медведь, несмотря на собачий лай, упорно не желает „вставать", что чаще всего бывает с медведицей, имеющей в берлоге медвежат, то один из охотников обычно берет длинную жердь и тычет ею в берлогу, а другой стоит наготове сбоку от чела. Поднятый из берлоги медведь крайне редко набрасывается на охотника, а чаще в клубах взбитого снега стремительно выпрыгивает из берлоги и бросается

наутек. Задача собак — его осадить, удержать, если охотник дал промах или только ранил его. В последнем случае медведь может броситься на охотника, который, выпустив единственный заряд из одностволки, еще не успел ее перезарядить. В таких случаях собаки—крупная помощь. Они, бросаясь иногда явно на смерть, вцепляются в него и отвлекают на себя. Не один охотник был и будет таким образом спасен своими собаками.

Летом медведь вообще осторожен и не меньше зайца боится человеческого присутствия. Только случайно наткнувшаяся на человека медвежья семейка,— как говорят во многих районах—„сама с детьми",— может „без предупреждения" наброситься. Анекдотические улепетывания от медведя баб с ягодами или старика с лыками, не редко сопутствуемых зараженной паникой хорошей промысловой собакой,—вселяют в последнюю положительный ужас перед всем, что пахнет медведем. Впоследствии, при белковании, это проявляется в нежелании искать, в укорочении поиска и в боязни не только медведя, но и всякого другого крупного зверя—лося, даже рыси.

Бывает еще так: на охоту на медведя „вдогон" берут двух собак, из которых одна молодая, с определенными признаками настоящей злобной зверовой собаки, а другая—старая, хорошая „промысловка", до сего времени не пробованная по медведю. Ее берут на охоту в надежде приучить работать и по этому зверю. Но часто получается, что, столкнувшись тем или иным образом с медведем, молодая собака, видя, что другая, старая собака не ведет активного наступления на медведя, взлает на воздух пару раз и может прекратить работу. При этом восстановить потом „испорченную" психологию молодой собаки бывает не всегда легко. Следовательно, для натравливания молодой собаки необходимо иметь старую, опытную медвежатницу. Приучить молодую собаку „брать" медведя лучше всего на медвежатах в неволе. У некоторых молодых лаек, даже еще щенков из помета кровных зверовых собак бывает другая крайность, мало присущая лайке: так называемая „мертвая хватка". Ухватив медвежонка или

лончака за что попало, они „не отрываются“ и поэтому часто непроизводительно гибнут, будучи потом сразу пущены на крупного медведя. Исправителем такой ошибки может стать лучше всего тот же находящийся в неволе медвежонок. Своевременно полученный от него урок (хоть бы даже и рана) отучит такую собаку от излишней „ухватистости“, сделает ее впредь осторожной и еще больше озлобит против медведя.

Охота на лося

По лосю обычно работают лайки той же „зверовой“ категории. Первая задача собаки—это добраться до лося по его следу (молча), затем, не подбегая к нему в непосредственную близость и не набрасываясь на него, залаять не особенно злобно и не часто, а только для того, чтобы охотник мог знать, что лось найден. Тогда охотник пытается подойти к облаиваемому лосю на расстояние выстрела. Правда, это далеко не всегда удается, так как лоси вообще очень осторожны и при подозрительном шорохе уходят. Подойти на выстрел лось даст только в том случае, если он сильно „занят“ взлаивающей собакой и „интересуется“ ею. Замечено, что это достигается легче, если собака рыжего или серого цвета, и если лось один, а не целое стадо.

Обеспокоенный приближением охотника или просто желая отделаться от надоедливой собаки, лось начинает от нее уходить, иногда полным ходом (бег его очень быстр). Тогда собака с громким лаем, подскакиванием и бросками на лося старается его погнать в сторону охотника или просто задержать на месте, для чего с максимальной изворотливостью бросается ему наперерез, иногда на самую морду. Разозленный таким нахальством, лось иногда делает попытку „забодать“ собаку или лягнуть ее (удар смертелен). При этом, гоняясь за нею, лось кружит на одном месте, а этой задержкой и пользуется поспевающий на лай охотник.

Лось и преследующая его собака могут пробежать десятки километров. Завершением охоты является такой момент: лось, убедившись, что собака от него не отстанет, останавливается на месте. Собака опять

начинает—только изредка и гораздо менее надоедливо—взлаивать. Охотник, подобравшийся на достаточно близкое расстояние,—стреляет по лосю.

Лучшие лосятницы—лапландские лайки.

По Северной Двине попадаются собаки пестрой окраски, которые при виде лося начинают выть и только чуть-чуть взлаивают. Лоси к этому относятся совсем хладнокровно и удирать от такой собаки обычно не намереваются. Этим пользуются местные охотники для легкого убоя этого запрещенного к отстрелу и более или менее непуганного зверя.

Признаком собаки - лосятницы является упорное облаивание случайно попавшего в лес домашнего скота.

Охота на рысь и росомаху

По рыси и росомахе идет большинсто лаек—„промысловок“ и почти все „зверовые“ собаки. От собаки требуется особая напористость, большой рост и быстрота бега, чтобы она могла по следу (непременно молча) добраться до рыси и, „с наскоку“ облаяв ее,—загнать на дерево. В этом задача собаки. Заставить рысь сразу „подеревиться“—даже очень хорошим собакам удается не всегда. Чаще рысь преследуется собакой очень долго, и именно только настойчивость собаки в конце-концов приводит к тому, что рысь залезает на дерево, где, занятая беснующейся внизу собакой,—не замечает подошедшего на выстрел охотника.

Раненая рысь крайне опасна для собак, неосмотрительно вцепившихся в нее.

Во время наста (к весне), не выдерживающего рыси, ее может заставить очень быстро придеревиться мелкая, но „заядлая“ и „прицепистая“ собака, которую наст держит. Замечено, что рысь скорее деревится, если у лайки грубый голос.

Охота на росомаху отличается от охоты на рысь тем, что собаки, найдя росомаху, немедленно безо всякой гонки, заставляют ее подеревиться.

Охота на зайца

По зайцу как правило лайка не должна употребляться. Лайка, которая гонит зайца, считается дефектной.

В промысловых районах зайца добывают петлями, и при наличии большого количества его в иных местах крайне неудобно, если у охотника, вышедшего на промысел за белкой (и тем боле за куницей, норкой и другим ценным зверьком), собака все время будет отвлекаться зайцем. Зайца она все равно долго гнать не будет, „исполняющей обязанности“ гончей поэтому служить не может,—а если и нагонит на охотника, то далеко не каждый промышленник станет тратить припас на зайца.

Нужно однако сказать, что на юге Карелии и в б. Череповецкой губ. с лайками на зайца все же охотятся—и с успехом, особенно если зайца осенью бывает много, а белка „не вышла“. В этих местах есть такие собаки, которые понимают, какого зверя ищет хозяин-охотник: если при первой же попытке лайки погнать зайца охотник сердито ее окликнул, „отсвистнул“, то она больше в этот день по зайцу не работает. Если же, наоборот, охотник дал знать собаке (особым натравливающим окриком), что зайца гнать можно и нужно, и тем более дан по нему выстрел,—то весь этот день лайка особенно старается по зайцу, гоняет его подолгу и очень упорно, не хуже гончей.

В силу особенности своей породы, подавляющее большинство лаек, если и устремляется по заячьему следу, то гонит с голосом только зайца, поднятого с лежки и воочию виденного (т.-е. только по „зрячему“).

Большинство лаек гонит зайца всего на расстоянии 50—150 шагов, а потом бросает его. При этом любой охотник легко сразу определит по голосу своей собаки, что она погнала именно зайца (по частому лаю с характерным взвизгиванием).

Охота на барсука и лисицу на норах

Для этой охоты лучшие собаки—таксы и фокстерьеры, особенно жесткошерстные. Однако и очень многие лайки, особенно „норные“, работают по барсуку и несколько реже—по лисице.

Для более или менее правильной охоты, в частности на барсука, необходимо, чтобы лайка имела

малый рост при достаточных злобности и силе. Наиболее пригодными для этой охоты являются так называемые „лайки-коротышки“,—имеющие нормальное, средней величины туловище на коротких ногах, хотя это и является недостатком лайки. Такие чаще встречаются в числе карельских и финляндских лаек.

Охота основана на том, чтобы собака нашла нору зверя, залаяла в нее и после схватки с ее обитателем заставила его покинуть нору, т.-е. дала бы возможность охотнику его стрелять, или сама „задавила“ бы его в норе. К сожалению, в последнем случае приходится затем раскапывать нору, так как мертвого барсука лайки очень редко умеют вытаскивать наружу. Таксы и фоксы проделывают это значительно чаще. Но, с другой стороны, лайка имеет и преимущество перед этими породами: если барсук, вышедший из своей норы на достаточно большое расстояние, был „принят“ лайкой по следу, то лайка может его скорее настигнуть и „взять“. При этом настигнутый барсук иногда ложится на спину и защищается всеми четырьмя лапами.

Лайки, „берущие“ след лисицы так же, как барсучий след, встречаются значительно реже, но, находясь в непосредственной близости от лисьей (обитаемой) норы, почти всегда ее „причуют“ и тем или иным образом проявят свой интерес к этому зверю.

В лисью нору лает не каждая лайка, работающая по барсуку. Но даже не лающая все же ведет себя так, что охотнику видно, обитаема ли нора, занята ли лисицей—или нет. В первом случае собака усиленно обнюхивает все отверстия, „фырчит“ в норы, пытается рыть землю лапами. Охотник, хорошо знакомый с повадками своей собаки, не ошибается в определении, какой зверь в норе. Кроме того, часто это определяется следами на мягкой и рыхлой земле у нор, а также специфическим неприятным запахом, если в норе лисица. Наличие в норе лисенят подтверждается разбросанными около нее остатками животной пищи (кости, перья и т. п.). Барсук гораздо чистоплотнее лисицы и, даже имея щенков в норе, около нее объедков пищи обычно не оставляет.

Мелкая, но коренастая лайка легко залезает в барсучью или лисью нору и работает там не хуже таксы или фокстерьера, имея при этом преимущество перед ними: особый „волчий“ склад челюсти и зубов, делающих ее схватки для зверя в норе гораздо более опасными, чем хватка таксы и фокстерьера. Если лайка влезла в нору, и по ее возне и грызне очевидно, что зверь там имеется, надо заткнуть, забить колышками или заложить камнями все норы, кроме той, в которую ушла собака, и еще одной, через которую и ожидать появления зверя наружу, — тогда его и стрелять.

Процесс охоты на барсука и лисицу в общем одинаков. Но оба вида зверей могут быть добыты описанным способом только в период неполноценности их шкурок. К зиме барсук впадает в спячку, а лисица в норах к этому времени почти не живет. Охоту с лайкой на этих зверей на норах продуктивнее производить в конце осени, когда земля еще только слегка сверху замерзла.

Нор—отверстий бывает иногда до 15 (особенно в песчаном грунте), но одно или два из них всегда находятся в некотором отдалении от других. Это— „запасные“ выходы зверя, которые заткнуть надо прежде всего.

Иногда барсук, выпираемый из нор собакой, вдруг как-то сразу выскакивает из норы и даже иногда бросается охотнику на грудь. Это может случиться тогда, если в норе находятся щенки.

Лисицу из норы выгнать труднее. Чтобы добыть ее, охотники (чаще двое) раскапывают нору лопатой. Иногда отверстий не затыкают, а ждут, когда собака выгонит зверя наружу,—и тут стреляют.

На севере Карелии некоторые охотники во время работы собаки в норе прилаживают к нескольким отверстиям проволочные или веревочные петли, в которых зверь—при попытке выскочить—и гибнет.

Взаимоотношения лайки с волком

С лайкой охоты как таковой на волка не существует. Больше того, в трудах специалистов дореволюционного периода не раз отмечалось, что лайка

к волку относится с полным безразличием, не видя в нем охотничьего объекта, а если и лает по нему, то только во время выполнения функций сторожевой дворовой собаки (например, в случаях подхода волков к деревне). Совершенно непонятно, как могло установиться подобное явно неправильное утверждение.

Автор интересовался взаимоотношениями лайки с волком весьма серьезно и после практических наблюдений в Северном крае установил следующее. Лайки, очень часто выполняющие сторожевые обязанности в селениях, волка ненавидят, бывают озлоблены на него, особенно там, где были случаи похищения собак волками; многие лайки преследуют волка (правда, обычно только до леса) в случаях, когда он утащил кого-нибудь; некоторые с большим азартом „принимают" встреченный след волка, стремятся добраться по нему до волка (так же, как и по другому зверю), и именно поэтому иногда делаются за свою опрометчивость жертвою волка.

Вывод из этого такой: лайку, берущую волчий след, следует от этого стараться отучить, так как она, работая в одиночку, рано или поздно достанется волку. С другой стороны, невольно напрашивается вопрос: нельзя ли найти рациональные формы охоты на волка с несколькими лайками, имеющими вышеуказанные наклонности? В Северном крае волков более чем достаточно. Флажковой (окладом) охоты местное население не знает почти совершенно. Лайка или даже лайкообразная дворняжка (лайкоид) больше других пород имеет основания быть использованной в охоте на волка, хотя бы в виду своего волчьего склада зубов и челюстей, своей достаточной силы, злобности, ловкости, а в иных случаях—и легкости „на угонке". Вопрос этот новый, но о нем следует призадуматься.

Добыча крота при помощи лайки

Автор умышленно заменил здесь слово „охота" словом „добыча". Обывателю и даже многим охотникам резало бы ухо слово „охота", примененное в отношении крота. Крота, конечно, никогда не стреляют из

ружья, а добывают только путем применения мелких, особого типа капканчиков, плашек, пружин и ведер, вкопанных в землю под кротовой норой и сверху прикрытых слоем земли. Между тем лайкообразную дворняжку очень легко приучить к достаточно простому способу добычи крота. При широком применении это дало бы возможность увеличить заготовку шкурок этого в сущности рентабельного, но явно недоопромышляемого зверька. А в иных местах, где крот является вредителем сельского хозяйства, это сослужило бы двойную службу. К тому же добывать крота нижеуказанным „порядком" могли бы все, даже дети, так как здесь никакой охотничьей квалификации не требуется.

Но следует подчеркнуть сделанную выше оговорку о применении при добыче крота именно лайкообразной дворняжки, а не охотничьей промысловой лайки.

Дело в том, что при всех охотах с лайками, особенно по „норному" зверю, весьма неудобно, если собака отвлекается на мелких грызунов—крысу, мышь, крота и пр. Правда, лайка часто принуждена искать и отрывать мышей для того, чтобы позавтракать,—особенно если хозяин (а это очень часто встречается даже среди хороших промышленников) не заботится о корме для нее. Но это, во всяком случае, мешает работе и самой собаки и охотника. Поэтому для добычи крота можно применить только собаку, „ничего не стоящую" в охотничьем отношении, хотя бы даже и простую „дворовую собаку".

Все, конечно, множество раз видели „кучки" крота на лугах, близ речек, на пашнях, в огородах и т. д. Но не под каждой такой кучкой есть крот, при чем совершенно не достаточно для последующих действий установить, какие из этих куч наиболее свежие. В одну ночь крот может их наделать до 5-8 штук. Вот тут-то и нужна помощь собаки. Прежде чем то или иное лицо решило заняться настоящим промыслом крота, необходимо „притравить" к кроту собаку. Взяв на выбор свежую кротовую кучу, следует найти „магистральную" нору крота, идущую обычно от одной кучки к другой и расположенную совсем близко от поверхности земли. На рыхлой почве она бывает очень легко

заметна („припухлость“ в виде ленточки). Следует перекопать ее лопатой и снять землю так, чтобы магистраль оказалась обнаженной на протяжении полуметра, при чем собаку держать около этого места на длинной сворке. Затем надо начать откапывать крота лопатой под самой кучкой. Обычно, если крот в том месте имеется (находится в особом тупике, образованном резким поворотом норы), то он непременно пойдет по магистрали и на указанном полуметровом участке ее окажется на виду. Дальше необходимо, чтобы собака его схватила и хорошо потрепала. Ее обычно „науськивают“ самым примитивным, я бы сказал—детским способом. Если все это проделать несколько раз и не пожалеть двух-трех дней, то собака поймет, чего от нее хотят, и впоследствии сама станет искать крота, обнюхивая и пытаясь разрывать его кучки. В дальнейшем некоторые собаки делаются настоящими специалистами этого дела и совсем перестают ошибаться при поисках крота. При этом вовсе не обязательно, чтобы собака, работая по кроту, лаяла, как при охоте на другого зверя.

Обнаружение кротовой магистрали во всех случаях обязательно. Иногда лопатой окапывают кругом всю кучку, указанную собакой. Получается как бы кольцо диаметром в 1-1½ метра. Именно на борозде, образующей это кольцо, собака и ловит вылезшего крота.

Описанным образом автор добывал до 20 кротов в день. Вся процедура добычи занимала самое большое 10-15 минут. Замечено, что более пригодными для этого являются совсем мелкие, юркие собачонки, с примесью крови карельских лаек.

Охота на боровую птицу

По глухарю—работает большинство лаек-бельчатниц.

Охота очень проста для охотника и достаточно сложна для собаки. Лайка не должна лаять на поднятого ею с земли глухаря, прежде чем он не сядет на дерево. Собака должна лаять настойчиво, но не часто и не особенно злобно. Лучше, если она при этом находится

не под тем деревом, на которое сел глухарь, а в некотором отдалении. Задача ее — заинтересовать собой сидящую на дереве птицу и отвлекать ее внимание от шума шагов приближающегося охотника. Хорошие глухарятницы прислушиваются к приближению хозяина и, чтобы заглушить его шаги, лают в это время громче, а некоторые забегают к дереву с глухарем с противоположной от идущего охотника стороны, чтобы птица таким образом оказалась в середине между собакой и охотником, головой к собаке. Это дает возможность охотнику иногда подойти под самое дерево с глухарем. Глухарь выдерживает собачий лай почти всегда хорошо.

Тетерева выдерживают лай только молодые, целым выводком поднятые собакой, и при этом садятся на деревьях очень близко от того места, где были вспугнуты. Подойти к ним тогда на выстрел бывает не трудно. Старые косачи лая почти не выдерживают.

Рябчик „держит“ лай не повсеместно, но с лайкой все же добывается в большом количестве.

На белую куропатку настоящей охоты с лайкой почти не существует. Куропатка весьма редко садится на дерево и, будучи поднята е земли,—например, на моховом болоте,—иногда только бесцельно преследуется собакой. Запах белой куропатки как дичи многим лайкам знаком хорошо, и желание „сработать“ по ней у большинства из них есть. Это обстоятельство продуктивно используется для охоты по белой куропатке только в том случае, если у лайки совсем короткий поиск (если она уходит от охотника не далее чем на выстрел). Проходя с такой собакой моховые болота, лайка будет вспугивать выводки куропаток и даст возможность охотнику стрелять по ним „в лет“.

Охота на утку

Очень многие лайки хорошо работают и по уткам. К сожалению, во многих промысловых местностях, в частности в Северном крае, летом вся „охота“ сводится к тому, что лайками давят утят, и вследствие

того, что лайка их не подает, а только давит и тут же бросает, — масса их гибнет совершенно непроизводительно. Лишь очень немногие, задавив утку, несколько раз взлаивают, как бы указывая на нее хозяину, — но это обычно вовсе не поощряется, так как отпугивает другие выводки.

Весной применение собак для охоты воспрещено законом. Только в 1931 году в Северном крае впервые, после весьма и весьма длительного периода, была разрешена весенняя охота с собаками по водоплавающей и болотной дичи. Вызвано это было необходимостью повысить заготовки охотничьей мясной продукции. Но весенняя охота с лайкой (или даже собакой другой породы, включая и простых дворняжек) вообще существовала в Северном крае с незапамятных времен, особенно в отдаленных районах или там, где к выполнению охотничьих законов относились безучастно.

Процесс охоты весьма несложен, но своеобразен. Охотник с ружьем садится куда-нибудь в куст, около разлившейся реки или озера и периодически разбрасывает вокруг себя для собаки кусочки хлеба или что-нибудь другое съедобное. Собака в поисках этих подачек шныряет по кустам, залитой траве и т. п., а утки и часто даже гуси, в силу каких-то странных „соображений“, налетают на собаку, вьются стайками над ней, в самой непосредственной близости охотника, который, конечно, таких моментов не упускает и настреливает изрядное количество птицы. Чем вызвано это подлетание уток к собаке, — автору, откровенно говоря, непонятно. Но достоверно установлено, что такая охота часто бывает удачна, особенно в конце весны по утренним и вечерним зорям.

Заключение

Об охоте с лайкой, о происхождении этой собаки и перспективах сохранения ее вымирающих чистых пород написано уже много (Ширинский-Шихматов, Дмитриева-Сулима, статьи А. О. Эмке, книга Ю. Ливеровского и др.). То, что в настоящее время обращено должное внимание на лайку как на собаку центрального значения в деле охоты, — следует приветствовать.

Доказывать громадную роль лайки в охотничьем промысле — значило бы ломиться в открытую дверь. Неоспоримо доказано, что эта порода охотничьих собак, имеющая интересное прошлое, не так давно еще пренебрежительно называвшаяся охотниками-любителями „остроухой дворняжкой“, имеет большое будущее в промысловой охоте.

Сильно повышающаяся за последние годы стоимость в городах даже плохих лаек доказывает, что эта порода стала „модной“.

Как мы видели, почти все охотпромысловые животные добываются с лайкой. Правда, универсальные лайки, т.-е. „идущие“, работающие достаточно правильно по всем указанным нами зверям и птицам, встречаются редко, но они все же имеются приблизительно в количестве 3% всех лаек. Замечено, что такие собаки чаще попадаются среди карельских лаек старого типа и, что интереснее всего, среди скрещиваемых в южной части Северного края (Сухона) зырянских лаек с завозными финно-карельскими.

Если бы вся беда для охотничьего промысла заключалась в том, что в Северном крае мало универсальных лаек, то это было бы еще терпимо. Но беда-то в том, что в Северном крае осталось вообще очень мало чистопородных лаек и лаек отдельных специализаций.

Почти исчезла лайка-медвежатница. Поэтому за последнее время в некоторых районах наблюдается небывалое количество медведя, приносящего громадные убытки сельскому хозяйству.

В южной и северной частях края (кроме средней части) осталось очень мало норных собак. Поэтому по многим районам недоопромышляются горностай и норка, иначе говоря, срывается заготовка экспортной продукции.

Крот, имеющийся в достаточном количестве во всей южной части края, не опромышляется почти совершенно по причине незнания населения, как можно использовать для этого собаку.

Основной объект промысла — белка, даже в годы малого урожая ее, по зимам недоопромышляется приблизительно на 15-20%, так как „духовых“ (верхочутных) собак-бельчатниц почти не стало. Белка полностью

опромышляется лишь в IV квартале, когда только и могут работать по „поеди“ не берущие верхом, средние рабочие собаки.

Многие лайки, даже самые лучшие, принуждены вследствие голодовки (хозяин не кормит) рыскать по лесу в чаянии чем-нибудь поживиться и таким образом весной и летом истребляют большое количество дичного молодняка.

По самым скромным подсчетам, все это приносит прямого убытка государству свыше 2 000 000 руб. в год.

Трагедия вымирающей, беспорядочно скрещивающейся, когда-то прекрасной охотничьей промысловой собаки есть в большой мере трагедия всего охотничьего промысла, реконструируемого в настоящее время в правильное охотничье хозяйство. Без лайки, — этого непременного участника в добыче экспортной продукции,—невозможно существование никакого охотничьего хозяйства.

ОГЛАВЛЕНИЕ[1]

---

[1] Первые пять глав написаны А. Эмке, остальные — М. Пальгуновым.

Редактор Н. Д. Блинов
Техредактор А. А. Веселовская

Севкрайлит № 1997 — окт. 1931 г.
С — 13 Огиз № 117 (Сев. кр. изд.). Заказ № 3215
Стат. форм. бум. 73×104, $^{1}/_{32}$, $1\frac{1}{2}$ п. л. $2^{3}/_{8}$ а. л.
Тираж 2700

Сдано в производство 30 окт. 1931 г.
Подписано к печати 12 дек. 1931 г.

Отпечатано в тип. Севкрайполиграфтреста № 2
„Северный Печатник“, Вологда, ул. К. Маркса, 70